

— Седьмой, можешь не ждать. С ними уже покончили люди Армии дома Те.

Братья Хэ отлучились, чтобы напоить лошадей, а заодно проверить, почему работоторговцы до сих пор не показались на горизонте. Известие, которое они принесли, удивило Чу Фэя: он никак не ожидал, что кто-то опередит их. Впрочем, удивляться особо было нечему — на Торговом пути Цяньчжоу, где разбойники рыщут повсюду, подобные стычки случались сплошь и рядом. Чу Фэй лишь слегка кивнул, не желая больше обсуждать эту тему.

— Ну и ладно, меньше работы нам. Хотя Армия дома Те редко заглядывает на восток, да и вряд ли им нужна такая мелкая партия рабов.

Чу Фэй интересовался Армией дома Те куда больше. В этом отряде насчитывалось более двух тысяч человек, и действовали они в основном в западных и центральных частях торгового пути. Они не грабили караваны и не трогали мирные поселения, специализируясь на наемничестве — это была грозная и весьма эффективная военная сила.

— Ах да, ты же не в курсе. Армия дома Те сильно пострадала. Две банды объединились и устроили им засаду, почти всех перебили. Уцелел только один парень по имени Те Цзянь, он вырвался, уведя с собой человек семьдесят-восемьдесят. Видимо, теперь собирается с силами, чтобы отомстить. Неудивительно, что он положил глаз на этих рабов — ведь это пленные воины, их можно быстро обучить и бросить в бой.

Хэ Юньсу в последнее время не покидал поселения, поэтому через его руки проходило гораздо больше донесений, чем у остальных, вот он и решил прояснить ситуацию.

— Вот оно что.

Чу Фэй понимающе кивнул, распорядился готовиться к возвращению в поселение на следующий день и уединился, чтобы заняться тренировкой.

Иероглиф, обозначающий воинское искусство, состоит из ключей, означающих остановить и копье. Чтобы обладать силой, способной остановить чужое копье, нужно неустанно тренироваться — без этого ни природный талант, ни острота ума не помогут. Чу Фэю повезло: он обладал и выдающимися способностями, и железной волей, позволявшей ему терпеть одиночество ради тренировок.

По правде говоря, он был одержим. Стоило ему за что-то взяться, как он погружался в дело с головой. В прошлой жизни его удручала монотонность изготовления фарфора, но он всё равно тратил уйму сил и времени, чтобы в совершенстве освоить мастерство копирования древних шедевров.

В этой жизни всё повторилось с боевыми искусствами. Он всегда любил холодное оружие, поэтому страсть к тренировкам стала ещё сильнее. В любую свободную минуту он брался за меч — именно это стало фундаментом его славы на восточном участке торгового пути.

У Чу Фэя было два клинка: Белый Фазан и Снежная Бездна. Сейчас он упражнялся с Белым Фазаном. Сияющая сталь мелькала вокруг, отражая лучи заходящего солнца. Пыль, поднимавшаяся из-под ног, тут же разметалась ударами клинка, не успев даже подняться до колен.

Лезвие Белого Фазана было около метра двадцати в длину, а с учетом полуметровой рукояти клинок казался очень внушительным, но при этом вовсе не был тяжелым. Прямое лезвие в стиле танских мечей, гарда в форме облака, навершие в виде птицы и обтянутая акульей кожей рукоять — всё в нем дышало изысканностью.

Чу Фэй ростом под метр девяносто, широкоплечий и крепкий, в своих тяжелых доспехах с узором в виде горных вершин выглядел по-настоящему грозно, источая мужскую силу и мощь. И сейчас изящный клинок в руках этого воина смотрелся идеально — словно сам бог войны сошел на землю, бросая вызов вечерней заре.

— Я думал, что из всех боевых искусств нашего молодого главы поселения непревзойденно лишь его владение копьем, сокрушающее всё живое. Не ожидал, что мои познания столь скудны.

Чу Фэй убрал клинок в ножны и увидел фигуру, которая его крайне удивила. К нему приближался мужчина лет тридцати семи-восьми с ухоженной бородой длиной в фут. Выглядел он утонченно и благородно, как настоящий ученый. В молодости он наверняка был писаным красавцем, да и сейчас сохранил статность, которую не могли скрыть даже грубые льняные одежды.

— Вы мне льстите. Это всего лишь способ добыть пропитание и выжить, — сухо ответил Чу Фэй.

Этот человек показался ему интересным еще раньше, но заводить знакомство Чу Фэй не собирался. Торговый путь никогда не бывал спокойным, здесь полно людей с удивительными историями и навыками, и нет нужды знать каждого. К тому же такие личности обычно приносили с собой проблемы, причем крупные.

— Я Су Чаншэн. Неужели молодой глава не слышал этого имени?

Чу Фэй не проявил интереса, но незнакомец не ушел, а лишь улыбнулся и представился.

— Ха, вы такая важная фигура, не слишком ли рискованно так играть?

Су Чаншэн — правый канцлер государства Гань, шурин нынешнего императора и его верный соратник. Ты возвращаешься из государства Инь, прячешься в маленьком караване и хочешь, чтобы я поверил, будто ты просто прогуливаешься? Раз уж ты скрываешься, сиди тихо, мы тебя не трогаем. Зачем подходить и раскрывать свою личность? Мы, мелкие разбойники, не имеем ничего общего с такими высокопоставленными особами.

Брови Чу Фэя сурово сдвинулись. Он был недоволен.

— Я бы не стал так поступать, но из-за двухдневной задержки возникли непредвиденные обстоятельства. Хочу попросить тебя об услуге: выдели людей, чтобы сопроводить меня до границы Гань. Что скажешь?

Су Чаншэн проигнорировал холодный тон и прямо изложил свою просьбу.

— У вас же столько охраны, да и рядом двое мастеров. К чему втягивать в это меня, обычного разбойника?

Чу Фэй не знал, зачем Су Чаншэн ездил в Инь и почему так спешит назад, но лезть в игры такого уровня он не хотел. Это не его дело, и за подобные вмешательства их поселение могло поплатиться жизнью.

— Не беспокойся так. Я всего лишь ездил с дипломатической миссией в Инь, обсуждал перспективы сотрудничества. Ничего особенного. А выбрал такой способ и время поездки лишь для того, чтобы скрыть свои передвижения от государства Ци и избежать ненужных трений.

Утром Су Чаншэн наблюдал за битвой и видел, на что способен Чу Фэй. Теперь, когда ему была крайне необходима такая сила, он не собирался упускать свой шанс.

— Черт возьми, старый лис! Ты уже выложил мне всё, и я не могу отказать? Если тебя прикончат люди Ци, то решат, что это я тебя сдал?

Чу Фэй не обрадовался такой откровенности, внутри он кипел от ярости. Но, видя невозмутимый вид Су Чаншэна, он понимал, что ссориться с таким человеком нельзя.

— Всё не так просто. Зачем такая спешка? Ты же до этого спокойно ждал здесь, даже когда Ганкань на твоих глазах расправился с работником. Почему теперь ты так хочешь как можно скорее вернуться?

Раз уж разговор зашел так далеко, Чу Фэй решил выяснить всё до конца.

— Ха-ха. Раньше я думал, что государство Ци не знает о моей миссии, и решил, что осмотреть торговый путь будет неплохо. Но теперь они в курсе. Хотя они и не успеют прибыть сами, но уже наняли людей, чтобы убить меня. Оставаться здесь стало опасно.

— Раз уж мы договорились, я не могу отказать. Но что я получу взамен? Только не предлагай деньги, это не стоит того риска.

Чу Фэй понимал смысл политики дальней дружбы и ближней вражды. Он догадывался, о чем Су Чаншэн договаривался в Инь. У семьи Су были глубокие связи в Инь, и потеря такого человека сильно ударила бы по отношениям между странами, поэтому Ци так жаждала его смерти.

Су Чаншэн применил хитрый ход: если бы Чу Фэй не знал, кто перед ним, он остался бы в стороне. Но теперь, когда он в курсе, отказ выглядел бы как вызов. Если Су Чаншэн выживет, он найдет способ наказать строптивого разбойника. А если погибнет — еще хуже: власти Гань решат, что Чу Фэй проявил неуважение к их канцлеру, и уничтожат его поселение.

Чу Фэй был в ярости, но понимал, что нужно выторговать себе достойную награду.

— Помогу вам вернуться в Гань с восстановлением всех прав, как тебе такое?

Су Чаншэн предложил крайне заманчивые условия.

— Ты хочешь сказать, что моего отца и остальных не будут преследовать, и они вернут свой прежний статус?

— Именно так. В тех событиях нет их вины. Если они захотят вернуться, прошлое не станет помехой, и я помогу им вернуть титулы.

— Это же прекрасно! Благодарю вас! Я берусь за это дело! Пока мы, братья, живы, никто не тронет вас и волоском!

Чу Фэй был вне себя от радости. Его отец, Чу Гэ, и остальные старики в поселении всегда мечтали вернуться на родину, где у них остались семьи. Чу Фэй и братья Хэ называли его Седьмым, потому что он был сыном Чу Гэ от второго брака, заключенного уже на торговом пути.

Старики, чувствуя приближение старости, уже давно пытались наладить связи, чтобы вернуться в Гань, но все попытки были тщетны. И вот теперь сама судьба в лице правого канцлера дала им этот шанс. Чу Фэй даже ударил себя по лбу: как же он сразу не догадался?

<http://bllate.org/book/20259/2020594>